

МЕМОУАРЫ О ГУРЕВИЧЕ

MEMOIRS ON GUREVICH

Моя мама, Харитонович (урождённая Цыпкина) София¹ Ильинична (1910–1993) говорила: «Учитель — это второй человек после родителей». Вот о моём «втором» (в семейном, а не научном плане) человеке, великом историке² Ароне Яковлевиче Гуревиче (1924–2006) я и хочу рассказать. Но начну с собственных воспоминаний о нём (дальнейшее прошу не считать саморекламой).

Народная мудрость гласит: «Мужчина ищет разнообразие». Вопрос в том, где он ищет оное разнообразие. Один мой родственник был женат четыре раза, я знал человека, который был женат восемь раз. Я — всего лишь один. Зато я много раз менял профессии. Был инженером, офицером (т. н. двухгодичником, как именовали лиц с высшим техническим — я закончил МВТУ, ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана — образованием, призванных в ряды вооружённых сил тогда ещё СССР), социологом на автокомбинате, заведующим лабораторией АСУ на оном же, социологом в НИИ Искусствознания, пока не стал историком. При этом я начал — пока что для себя, как говорится «в стол» — писать тексты по истории, причём, будучи инженером-металловедом по образованию, стал сочинять труды об алхимии и о средневековом ремесле. Опусы сии я показал своему другу ещё со школьной скамьи, Алексею Георгиевичу Левинсону, востоковеду по образованию и социологу по роду деятельности — он был и является учеником и сотрудником известнейшего социолога Ю. А. Левады (1930–2006). И Лёха (так мы его звали в школе) как-то сказал: «Это уже не для меня. Надо показать твой опус Гуревичу». Что и произошло. Много позднее я как-то при Ароне Яковлевиче назвал его своим учителем. Он возразил: «Что Вы, Дмитрий Эдуардович, когда Алексей Георгиевич нас познакомил, Вы уже были сложившимся исследователем». — «Да, сказал я, — но “складывался” я на Ваших работах, образцом моего научного пути был Ваш путь».

Вот об этом пути знаменитого (не боюсь этого слова) учёного, я и хочу рассказать со своей, так сказать, позиции наблюдателя.

Путь этот был весьма непрост и нелёгок. Арон Яковлевич начинал как скандинавист, историк эпохи викингов и раннего скандинавского Средневековья. Надо сказать, что его труды о ранней истории Исландии, получили признание не только в мировой и — не без сложностей — в отечественной исторической науке, но и в самой Исландии. На Скале Совета — месте, где ещё в X веке

1 Именно так, Софи́я, а не Софья́, мама именовалась по паспорту.

2 Сам Арон Яковлевич не любил, когда его так называли: «Обойдёмся без суперлативов». (*Superlativus* — превосходная степень в латыни. Кстати, А. Я. свободно владел этим языком образованных людей Средневековья; не знающих его называли тогда *idiotae*, в ед. ч. — *idiota*.)

собирались на Альтинг обитатели Исландии, чтобы вершить свои дела, молиться своим, тогда ещё языческим, богам и принимать законы в этой древнейшей (если не считать Республику Сан-Марино) из доживших до наших дней демократий — так вот, на оной скале исландцы, не избалованные вниманием мировой науки, выбили имя Арона Яковлевича.

О том, как он пришёл к занятиям историей Скандинавии, Арон Яковлевич рассказал в статье «Почему я скандинавист? Опыт субъективного осмысления некоторых тенденций развития современного исторического знания»³.

Однако со временем он обратил свой взор на собственно западноевропейское Средневековье в более широком смысле слова. Об этом изменении объекта исследований Арон Яковлевич рассказывал так: «На определённом этапе своей научной работы я пережил глубокий кризис, обусловленный многими причинами. <...> Я пришёл к убеждению, что невозможно понять социально-экономическую историю без включения её в более широкий социально-культурный контекст. <...> Даже если историк стремится реконструировать социальный строй и хозяйство, он неизбежно и постоянно сталкивается в... источниках с мыслями и чувствами людей, с их повседневной жизнью и в семье, и в обществе; хозяйственная и политическая деятельность выступает в этих источниках в своей антропологической сущности. Эти люди “заставили” меня пересмотреть привычный ограниченный подход к источникам»⁴. В стремлении показать именно социально-экономический материал Арон Яковлевич пришёл к необходимости сменить объект исследования — от классов, аллодов, феодалов и всего такого перейти к Человеку. Возникает новый подход: историческая антропология.

Под исторической антропологией, указывает Арон Яковлевич, «я разумею не какую-либо особую научную дисциплину, но направления исторического исследования, которое, как ни странно и даже парадоксально это звучит, впервые выдвигает человека — изменяющегося во времени члена общества — в качестве центрального предмета анализа. Не политические образования (государства и т. п.) и институты, не экономическая эволюция и социальные структуры сами по себе, не религиозные, философские и иные идеи как таковые и не великие индивиды, возглавлявшие государства или формулировавшие учения и теории, но именно люди — авторы и актёры драмы истории независимо от их статуса (курсив мой. — Д. Х.), действующие и чувствующие субъекты являются фокусом, в котором сходятся линии историко-антропологического анализа. Их мировосприятие и определяемая ими система поведения, их ценности, воображение, символы — таков предмет историко-антропологического исследования»⁵.

То есть главное, что есть в истории и чему историк должен уделять основное внимание, — это человек.

³ Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 5–12.

⁴ Он же. Европейское Средневековье и современность // Европейский альманах. М., 1990. С. 140.

⁵ Он же. Избранные труды. Средневековый мир СПб., 2007. С. 6–7 (предисловие).

Позволю себе нечто вроде афоризма (прошу прощения за повторение одних и тех же слов): проникновенно писать о человеке в истории можно только, если сам историк — человек. Так вот, человеком Арон Яковлевич был очень хорошим. Он — и это обязательное качество хорошего человека — любил других людей. Не могу забыть — я всё-таки пишу воспоминания — его очаровательную улыбку, его тёплые слова, его всегдашнее уважение к собеседнику. Вот только один маленький штрих: ко всем, за исключением старых друзей и членов семьи, он обращался на «вы». И ко всем, кроме совсем юных собеседников и, опять же, друзей и членов семьи, — по имени и отчеству.

Но, как мне представляется, личные качества учёного влияют и на его научную деятельность, на его подходы к исследуемому материалу. Именно отсюда, от его личных качеств и свойств, вытекает интерес к людям прошлого, не только, как я уже говорил, великим и знаменитым, но и ко всем, в том числе и тем, о ком почти не осталось (или совсем не осталось) каких-то сведений.

Отсюда и интерес Арона Яковлевича к ментальностям, или, как предлагают говорить сегодня, к менталитетам. Нынче «менталитет» — расхожее публицистское словечко⁶. Потому Арон Яковлевич предложил говорить о «картине мира» людей Средневековья. Но термин «ментальность» вводили французские историки т. н. Школы «Анналов», т. е. группы исследователей, сгруппировавшихся вокруг основанного во Франции ещё в 1929 г. Марком Блоком и Люсьеном Февром журнала «Анналы», и означал этот термин никак не идеологию, т. е. нечто более или менее продуманное, а совокупность, возможно не всегда осознанную и уж точно не отрефлексированную, самых общих представлений — о времени, пространстве, судьбе, отношениях между людьми и т. п.

То есть Арон Яковлевич отошёл от привычного и присущего отечественной исторической науке социально-экономического подхода к прошлому, когда в центре внимания историка находились социально-экономические теории, борьба классов и т. п., потому и воспоследовали не слишком приятные для нашего учёного последствия. Гром грянул, когда в 1970 г. в свет вышла его книга «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе»⁷. Оные «Проблемы...» вызвали грандиозный скандал. Книга и её автор подверглись разному в партийной печати, проработке на специально созванном совещании «проверенных» историков

⁶ Не могу отказать себе в удовольствии рассказать читателю об одном забавном высказывании близкого мне человека. Он спросил: «Папа, а что такое менталитет?». Я начал подробно рассказывать, и тут он меня перебивает: «Нет, это милицейский участок (разговор происходил ещё до переименования милиции в полицию. — Д. Х.). в муниципалитете муниципалы, а в менталитете — менты». А «вождь всех туркмен», президент Туркменистана С. А. Ниязов заявил: «Понятие Прав Человека отсутствует в менталитете туркменского народа».

⁷ Передо мной сейчас издание: Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. «Проблемы...» вошли в этот том (с. 189–342).

(Арона Яковлевича туда не приглашали). Редакцию издательства «Высшая школа», где готовились к печати данные «Проблемы...» попросту разогнали, а сам автор был изгнан из Института философии, где он работал в секторе философии истории. Ничего, на дворе был не 1937 и не 1947 год, так что всё закончилось относительно «хорошо». «Я — везучий, — любил говорить Арон Яковлевич. — Всё, что я написал, вышло в свет, и били меня за уже опубликованное и известное читателю». Вскоре по сигналу «сверху» травлю приглушили, автора скандальной книги даже трудоустроили.

Арон Яковлевич регулярно получал из-за границы предложения приехать⁸ и отказы в выезде из нашей страны. После очередного запрета Гуревич не выдержал и пошёл в КГБ⁹. И на приёме прямо спросил, в чём же его вина. «Если я виновен, если нарушаю, так посадите меня, в конце концов», — передаю слова Арона Яковлевича из беседы со мной. На что сей сотрудник (лейтенант, капитан, майор — вряд ли выше; мой Учитель не уточнял) ответил: «Мы к Вам претензий не имеем. Это они (академическое начальство. — Д. Х.) Вам отказывают».

Впрочем, причина невыпуска за рубеж могла быть и, так сказать, «личного» свойства. В 1988 году, уже в разгар перестройки, Арон Яковлевич получил приглашение от Фонда Гетти, США. Уже наступила полная гласность, но процедура разрешений прежних времён ещё не была отменена. И когда мой Учитель обратился к академическому начальству за разрешением на выезд, руководство послало в Фонд Гетти заявление, где говорилось, что, по их мнению, следует пригласить на год в США другого учёного («своего». — Д. Х.). На что представитель Фонда Гетти ответил, что они приглашают не представителя (тогда ещё) СССР, а конкретного учёного. И если по каким-либо причинам Арон Яковлевич не приедет, они позовут другого учёного из своего списка, не обязательно из советской страны. Тогда руководство АН СССР дало Арону Яковлевичу разрешение на выезд. Но без семьи. Семья приехала к нему на полгода (А. Я. пригласили на год) позже, уже в 1989 году. Для семьи отдельное приглашение оформил на тот момент уже долгое время проживший в США коллега Арона Яковлевича А. П. Каждан. Да и как раз в 1989 году ограничения на выезд из СССР были почти что сняты для рядовых граждан. В квартире (гостиная, спальня и кабинет, не считая кухни и санузла), предоставленной Фондом Гетти для учёного без семьи, Арон Яковлевич разместил

⁸ Здесь я имею в виду именно приглашения прочитать лекции или поработать на относительно небольшие сроки. Возможность эмиграции на ПМЖ мой великий Учитель никогда не рассматривал, считая себя советским/российским учёным.

⁹ Думаю, что современному читателю было бы интересно узнать побольше о процедуре добровольного похода на Лубянку (тогда площадь Дзержинского), в здание, о котором мрачно шутили, что «раньше здесь был Госстрах, а теперь — “госужас”». Тогда я об этом, к сожалению, не спросил — интересоваться подобным в наших кругах считалось неприличным. В Большой дом на площади Дзержинского сами не ходили.

жену, дочь и внука. Именно в Фонде Гетти Арон Яковлевич в возрасте старше 60 лет впервые познакомился с работой на компьютере (текстовый редактор) и интернетом, в первую очередь с сайтом Библиотеки Конгресса США.

В чём же была, с точки зрения идеологических «верхов», крамола в «Проблемах генезиса феодализма в Западной Европе»?

Относясь со сдержанным уважением к учению Маркса¹⁰ (но не к «марксизму-ленинизму»), Арон Яковлевич всегда полагал, что марксистская теория исторического процесса, разработанная на материале социально-экономического развития капитализма в Западной Европе, бесосновательно прилагалась Марксом, а тем более его последователями, без разбора ко всем цивилизациям и историческим периодам; поему феодализм находили даже в Тропической Африке.

Дело в том, что согласно Марксу и Энгельсу (а ещё был «марксизм-ленинизм»), феодализм возникает так же, как и капитализм. В последнем случае лишённые собственных средств производства люди становятся пролетариями, наёмными работниками у капиталистов; в первом — обезземеленные в результате экспроприации их собственности земельными магнатами свободные крестьяне закабались этими магнатами и, прикрепленные к земле, становились зависимыми, «крепостными», как было принято — с большой долей неточности — писать в отечественной исторической литературе. Опираясь на экономическое могущество, магнаты присваивали функции власти, становились почти независимыми от верховных правителей феодалами.

Арон Яковлевич же, исходя из средневековых текстов, полагал, что всё было совсем не так. В условиях слабости верховной власти свободные земледельцы в поисках защиты *вместе со своей землёй* отдавались под патронат магнатов, меняли свободу на безопасность. Ведь сложение (или окончательное оформление) феодализма пришлось на эпоху т. н. Второго Великого переселения народов, т. е. набегов на Европу, особенно Западную, арабов-мусульман в середине VII — начале IX в., тюркоязычных аваров (не путать с аварцами в сегодняшнем Дагестане) в 60-е гг. VI в. (и несколько позднее) и викингов в середине VIII — середине XI в.

Помимо этого, кстати, люди Средневековья завещали свои владения (но с правом пользования) Церкви, дабы обеспечить себе и потомству вечное

¹⁰ Излишне упоминать, какую роль в написании научной работы имеет список литературы. Когда я в 1983 г. защищал кандидатскую диссертацию под фактическим научным руководством Арона Яковлевича, полагалось оный список начинать с Маркса-Энгельса, потом должен был идти Ленин, потом всякие постановления КПСС (этого у меня, слава Богу, не было). Я показал Арону Яковлевичу наш список, начинавшийся, с немецких Классиков — что поделать. Мой великий учитель посмотрел упомянутые работы и сказал: «Что ж, Классики были образованные люди. Во всяком случае, первые два». Более того, когда в конце 80-х — начале 90-х стало чем-то вроде правила хорошего тона вычёркивать из своих работ обязательные цитаты из Классиков, Арон Яковлевич не стал вычёркивать те немногие, которые считал уместными. Нашему учёному не требовалось доказывать своё несогласие с официальным «марксизмом-ленинизмом».

спасение на небесах и постоянное покровительство на земле. Право поборов, право суда в той или иной части страны передавала верховная власть, то есть феодализм складывался во многом «сверху».

Крамолу обнаружили позднее ещё в одном сочинении Арона Яковлевича. В Институте всеобщей истории тогда ещё не РАН, а АН СССР, где Арон Яковлевич в конце концов и трудоустроился, много лет готовили к печати коллективный труд «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма», в котором Арон Яковлевич тоже принял участие¹¹. В разделе, посвящённом древним германцам он, похоже, усомнился в теории «Происхождения семьи, государства и частной собственности» Энгельса. Классик марксизма, описывая варварскую эпоху, в которой он усматривал «первобытный коммунизм», опирался на не всегда точные, написанные как бы извне сообщения Цезаря и Тацита об укладе древних германцев и находил у них «военную демократию», коллективную собственность на землю и т. п. Проанализировав исторический материал, Арон Яковлевич увидел, что древние германцы были не полукочевниками или представителями первобытно-общинного строя; не воинами (или не только воинами, носившимися как угорелые по диким лесам в поисках славы и добычи), а земледельцами, жившими в деревнях; что не было никакой коллективной собственности на землю, никаких переделов земли, а велось семейное хуторское хозяйство. О таком тогда громко говорить было нельзя, и если указанные идеи сложились у нашего историка в конце 60-х — начале 70-х годов, то обнародованы они были лишь в 1988-м, когда обстановка немного смягчилась (может быть, это было связано с тем, что в 1985 году генсеком КПСС был избран М. С. Горбачёв).

В 1997 году Арон Яковлевич, анализируя перипетии издания «Проблем генезиса феодализма...», писал: «...в феодализме я склонен усматривать преимущественно, если не исключительно западноевропейский феномен. На мой взгляд, он сложился в результате уникальной констелляции тенденций развития. Феодальный строй, как бы его ни истолковывать, представляет собой не какую-то фазу всемирного исторического процесса, — он возник в силу сочетания специфических условий, порождённых столкновением варварского мира с миром позднеантичного Средиземноморья. Этот конфликт, давший импульс синтезу германского и романского начал, в конечном счете, породил условия для выхода западноевропейской цивилизации на исходе Средневековья за пределы традиционного общественного уклада, за те пределы, в которых оставались все другие цивилизации»¹².

¹¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. Перу Арона Яковлевича принадлежат: гл. 3. Аграрный строй варваров; гл. 8. Становление английского крестьянства в донорманнский период; гл. 9. Формирование крестьянства в Скандинавских странах (IX–XIII вв.); гл. 17. Крестьянство и духовная жизнь раннесредневекового общества.

¹² Гуревич А. Я. «Генезис феодализма» и генезис средневековья: Злые мемуары в роли предисловия // *Он же*. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. С. 20–21.

Конечно, это не могло не привести в ужас тогдашние (1970 г.) исторические «верхи». То есть, что это такое?! А как быть со знаменитыми «пятью ступенями»: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм/коммунизм? Если феодализм необязателен, то, может быть, странно вымолвить, и победа коммунизма не является неизбежной? Вот куда зовёт учёного «неконтролируемая» мысль!

В упомянутых «Проблемах генезиса...» и в ряде других работ, в частности в «Походах викингов»¹³, Арон Яковлевич показывает, что вопросы, связанные с анализом земельной собственности или денежного обращения, просто не решаемы, если мы будем подходить к человеку как к *homo economicus*, если мы забудем, вынесем за скобки то, что люди, вступившие в эти экономические отношения, прежде всего стремились не к материальной выгоде, но более всего заботились о личном достоинстве, чести, доброй славе.

Широкую известность (не побоюсь сказать, и огромную популярность) среди не только профессиональных историков, но и вообще читающей публики, Арону Яковлевичу принёс впервые изданный в 1972 году его труд «Категории средневековой культуры»¹⁴. В этой работе Арон Яковлевич пришёл к использованию исследовательских приёмов и понятий, выработанных вне сферы «собственно» истории. Так, ключевое понятие «культура» взято из этнологии и означает не только то, что понимали под этими словами традиционные историки — совокупность высших достижений человеческого духа: науку, философию, искусство, литературу и всё тому подобное — но *любую смыслодержущую человеческую деятельность*¹⁵.

«Категории...» вызвали отклик в читательских сердцах (опять же, как сказано выше, не только у профессиональных историков). До появления книги Арона Яковлевича то, что мы читали о Средних веках в примитивной (и весьма популярной) литературе, и то, что узнавали об этой эпохе в школах и вузах, давало две абсолютно несхожие между собой истории. Со страниц Вальтера¹⁶ Скотта, Дюма-отца и Мориса Дрюона нам являлись рыцари в плюмажах, прекрасные дамы, турниры, битвы, кровавые интриги и многое подобное, столь же увлекательное. Учебники рассказывали об аллодах и феодах, о том, что «вассал моего вассала — не мой вассал» (со школьной скамьи помню неприличный перевертыш этой максимы

¹³ *Он же*. Походы викингов. М., 1966.

¹⁴ Одно из последних изданий: *Он же*. Избранные труды. Средневековый мир. 3-е изд. М.; СПб., 2013. В это издание входят две монографии Арона Яковлевича: «Категории средневековой культуры» (с. 17–260) и «Скандинавский мир: культура безмолвного большинства» (с. 263–547).

¹⁵ Спешу уведомить читателя, что это определение принадлежит не Арону Яковлевичу, а автору настоящих строк, которому неизвестно (но точно представляется), что Арон Яковлевич согласился бы с этим определением.

¹⁶ Я знаю, что правильнее написать «Уолтера Скотта», но так уж, опять же, принято.

средневекового права), об эксплуатации народных масс и роли католической Церкви. Труды Арона Яковлевича дали нам возможность увидеть *другое* Средневековье, живой пласт.

Книги Арона Яковлевича привлекли читателя не только потому, что материал был сам по себе вкусный, сочный экзотический. Нет, это всё наличествует, но дело не только в этом.

Вот Арон Яковлевич описывает расхожее представление о Средних веках: «Средневековье — пасынок истории, историческая память обошлась с ним несправедливо. “Средний век” (*medium aevum*), безвременье, разделяющее две славные эпохи истории Европы, средостенье между античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, провал, “тёмные столетия”¹⁷ — таков был приговор гуманистов, закреплённый просветителями, так судили в XIX в., противопоставляя динамичное Новое время “застойному”, “костному” средневековью. Но ведь и ныне, когда хотят назвать какое-либо общественное или духовное движение реакционным, отсталым, не задумываясь, прибегают к штампу — “средневековое”»¹⁸.

Пасынок, притом обиженный — значит надо восстановить справедливость. Но не только. Историк ищет в прошлом то, что он видит в настоящем. Мы живём здесь и сейчас и никуда от этого не денемся. Помимо этого, личные качества и свойства учёного-историка тоже влияют на созданное им — от этого тоже никуда не денешься. Арон Яковлевич ищет в прошлом близкое к настоящему. «При всём своеобразии средневековой социально-культурной системы и при всех её радикальных отличиях от нашего времени средневековье не может восприниматься нами как нечто чужое. Оно иное, но не чужое»¹⁹.

Более того, Средневековье есть в нас самих, людях начала XXI века. В мире и в странах европейской цивилизации велик к нему интерес. Это никак не следует понимать в смысле нашей «отсталости» — то есть её-то как раз хватает, но к Средним векам это отношения не имеет. Имеет другое. Перечисляя наследие (или наследия) Средних веков — христианство, современные европейские языки и, во многом, современные европейские государства, представления о единой Европе, Арон Яковлевич добавляет: «Средневековье оставило нам ещё одно наследие, может быть самое драгоценное и одновременно самое хрупкое — человеческую личность. То, что отличает европейскую культуру от всех других мировых культур, в конечном счёте сводится к выработке индивидуального личностного сознания»²⁰.

И далее: «В XX в. (эти строки были написаны в конце прошлого века. — Д. Х.), когда поставлено под вопрос само существование цивилизации и продолжения

¹⁷ *Dark Ages* — так в англоязычной науке именуют первый период Средневековья — V–X вв.

¹⁸ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. С. 24. Как пошутил замечательный современный медиевист, член-корреспондент РАН П. Ю. Уваров (1956 г. р.): «Века были так себе — довольно средние».

¹⁹ Гуревич А. Я. Европейское Средневековье и современность. С. 144.

²⁰ Там же.

жизни на Земле, когда беспрецедентные в истории тоталитарные режимы попрали личность человека, а новая технологическая революция угрожает заменить его самовольными механизмами, это наследие средневековья представляется особенно ценным. Не здесь ли коренится тайна всё возрастающего интереса к средневековью, свидетелем которого мы являемся»²¹.

Да, мы ищем в истории то, что интересует нас сегодня. Но ведь для того, чтобы найти оное интересное (или интересующее) в прошлом, нужно иметь его (хотя бы частично) здесь и сегодня. Чтобы писать о личности, нужно быть личностью самому (относительно Арона Яковлевича это абсолютно ясно, он был весьма яркой личностью). Но и писал он о самой роли личности в Средневековье — от Августина и Абеляра до «среднего человека», монаха Салимбене Пармского (1221–1287)²².

В заключение же мне хотелось бы поговорить о другом. Так уж получилось, что в конце жизни нашего замечательного историка история резко ускорилась, и именно в нашей стране. Арон Яковлевич тоже приложил руку к оному ускорению. Он был уже не в том возрасте и состоянии здоровья, чтобы идти на баррикады подобно автору этих строк (читатель сам решит, является упоминание о баррикадах похвалой или покаянием), но распространял предложения по реструктуризации институтов Академии наук тогда ещё СССР, выразил в газете своё мнение об августовском путче 1991 г. В личных заметках (впервые опубликованы в 1992 г.) он писал:

«Может ли, имеет ли право, гуманитарий в этот ответственный момент нашей истории не задумываться над тем, какова его общественная функция? Я сторонник малых дел. Ибо в крике о кризисах и бедах, в ожесточённых перебранках и дискуссиях, в поисках виновных в ком угодно, только не в самом себе мы подчас забываем о простейших вещах, таких как порядочность и честный профессиональный труд. Но без них нам из пропасти не выбраться. Я повторяю слова адмирала Нельсона: “Пусть каждый исполнит свой долг”» (конец цитаты)²³.

Никогда не забуду, как Арон Яковлевич вдохновил меня исполнить мой долг перед наукой. В 1983 году я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ремесло в системе ценностей западноевропейского средневековья» в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской²⁴. Формально Арон Яковлевич был только оппонентом, но фактически — научным руководителем. Слова, которые мой великий Учитель произнёс, я вспомнил через десять лет, когда Арон Яковлевич

²¹ Там же. С. 147.

²² *Он же*. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.

²³ *Он же*. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. М., 1992. С. 34.

²⁴ Ныне Московский государственный областной университет (МГОУ), а тогда в наших кругах неофициально именовавшийся «Мопа имени Наденьки».

получил Государственную премию Российской Федерации в области науки. Первый тост на банкете, посвящённом вышеупомянутому событию, произнёс Л. М. Баткин, крупнейший специалист по итальянскому Возрождению, в тот момент более известный широкому кругу как талантливый политический публицист, в котором Леонид Михайлович сказал, что прекрасно, что в нынешнее время премия — повод для застолья, но не более. После Леонида Михайловича настала моя очередь говорить. Говорить после Баткина непросто, и, поднимая бокал за Учителя, я вспомнил, как принёс Арону Яковлевичу текст моей диссертации и произнёс следующее: «Когда я сказал, что придётся сократить, Арон Яковлевич мне сказал: “А зачем самим себя сокращать, пусть лучше они нас сокращают”». Когда после тоста мы (и все присутствующие) осушили свои бокалы, мой великий Учитель сказал: «Здесь дамы, поэтому Дмитрий Эдуардович постеснялся. Я сказал: “Зачем нам самим себя кастрировать”».

Д. Э. Харитонович